

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВТОРИЧНЫХ МЕНТАЛЬНЫХ НОМИНАЦИЙ В
РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ
АДЪЕКТИВНОЙ И СУБСТАНТИВНОЙ ЛЕКСИКИ)

В.Д.Стариченок

В статье рассматриваются вторичные ментальные номинации, представленные в смысловых структурах прилагательных и существительных русского и белорусского языков. Дается рабочее определение ментальности, указывается механизм образования вторичных номинаций, приводятся тематические группы субстантивной и адъективной лексики, где наблюдаются смысловые преобразования ментального характера.

REPRESENTATION OF SECONDARY MENTAL NOMINATIONS IN
RUSSIAN AND BELARUSIAN LANGUAGE (BASED ON ADJECTIVAL
AND SUBSTANTIVE LEXIS)

V.Starichenok

The article deals with the secondary mental category, presented in the semantic structure of adjectives and nouns in Russian and Belarusian languages. We give the working definition of mentality, show the mechanism of secondary nomination formation and thematic groups of substantive and adjectival lexicon, where there are semantic transformation of the mental nature.

В современной научной парадигме активно развивается антропоморфический подход к исследования языковых явлений. В многочисленных работах внимание акцентируется на взаимосвязи и взаимовлиянии языка и мышления человека, его сознания и духовно-практической деятельности, на отражении в языке мыслительных процессов и состояний. Наблюдается поворот от лингвоцентрических к антропоцентрическим исследованиям, рассматривающим язык как неотъемлемую и органическую часть человеческого сознания, культуры, жизни человеческого общества в целом.

Современный этап лингвистической науки характеризуется повышенным вниманием к проблемам языковой репрезентации ментальных категорий, вторичным ментальным номинациям. Изучение таких номинаций является актуальным по причине продуктивности их образования в языке и речи, необходимости установления способов закрепления ментальных свойств за различными сегментами объективной действительности, необходимости более глубокого теоретического обоснования категории

вторичности, разработки научного направления по изучению вторичной номинации, позволяющего выявить механизмы и способы пополнения словарного состава, особенности материальной и духовной жизни носителей языка и их национально-культурного видения мира.

В антропоцентрической парадигме сложилось научное направление ментальной лингвистики, где исследуется представленность в языке мышления, а также различных психических состояний и процессов. В философских, культурологических, психологических, лингвистических справочниках указывается, что ментальность является внутренним интеллектуальным миром индивида, относительно устойчивой и целостной совокупностью умственных и социально-психологических навыков, духовных установок, мыслей, верований, присущих отдельному человеку или общественной группе. Это образ мышления, склад ума, мировосприятие, общая духовная настроенность человека (группы), глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания. И. К. Пантин, рассуждая о национальном менталитете, включает в состав ментальности следующие компоненты: умственный и духовный строй народа; память народа о прошлом; глобальный, всеобъемлющий «эфир» культуры; социокультурные автоматизмы сознания индивидов и групп; образная форма мышления, выраженная в мифе и религии, сохранившая изначальную самобытность; регулятор поведения социальных групп; духовно-исторический феномен культуры [12, с. 29-30]. По мнению А.Я. Гуревича, ментальность является «умственным инструментарием, ... магмой жизненных установок и моделей поведения, эмоций и настроений, которая опирается на глубинные зоны, на какие-то вполне осознанные и более или менее четко сформулированные идеи и принципы» [4, с. 86].

Несмотря на существующие разногласия в определении ментальности, отсутствие четкого понимания этого феномена и различную степень детализации и смысловой наполненности этого термина, наблюдается общая тенденция к трактовке ментальности как способа выражения интеллектуальных способностей отдельного человека и социальной системы в целом. В многочисленных дефинициях ментальности, таким образом, подчеркивается роль языка в структуре сознания и мышления, который выполняет не только коммуникативную, но и когнитивную (познавательную, мыслительную) функцию [10, с. 266]. «Вся сознательная жизнь человек, – пишет Д.Лихачев, – проходит через родной ему язык. Эмоции, ощущения – только окрашивают то, что мы думаем, или подталкивают мысль в каком-то отношении, но мысли наши все формулируются языком. Вернейший способ узнать человека – его умственное развитие, его моральный облик, его характер – прислушаться к тому, как он говорит» [8, с. 838 – 839].

Язык считается одним из проявлений ментальности его носителей и одновременно содержит способы и средства, позволяющие называть процессы ментальной сферы. Именно в языке отражаются духовные, чувственные и волевые качества национального характера, интеллектуальная

жизнь как отдельного человека, так и определенного этноязыкового сообщества [7, с. 11-13; 11, с. 80].

Совокупность слов, выражений, понятий и концептов, которые относятся к мышлению, некоторые ученые называют «ментальным языком», «языком мысли», «языковой ментальностью», под которыми понимают отражение в языке разнообразия духовной, интеллектуальной, волевой и чувственной сфер жизни человека. В.З. Демьянков ментальный язык истолковывает как «метаязык, на котором задаются единицы концептуальной системы и/или описываются ментальные репрезентации для значения естественных языковых выражений» [6, с. 99].

В корпус слов, репрезентирующих семантическое поле «ментальность», включаются слова разной категориальной принадлежности, но прежде всего это глаголы, прилагательные и существительные, что связано с их доминированием среди знаменательных частей речи. В структуру ментального языкового пространства также включаются вторичные номинации, образованные от первичных ЛСВ лексических единиц, составляющих ядро других (нементальных) семантических полей. В этом случае лексика относительно простых (базовых) представлений и физических понятий используется для описания более сложных, абстрагированных элементов интеллекта, мышления и сознания человека [5, с. 37]. Возникновение вторичных номинаций обусловлено особенностями восприятия человеческим мышлением объектов окружающей действительности, реалий природы, его абстрагированным и обобщающим характером, позволяющим отражать объективную реальность во взаимосвязи и взаимообусловленности всех его элементов.

Как справедливо замечает Н.Д. Арутюнова, мы «ассоциируем абстрактные понятия с конкретными осязаемыми предметами, поскольку это единственный способ, имеющийся у нас в распоряжении, для того, чтобы унифицировать мир идей и мир вещей» [2, с. 94]. Реальная практическая деятельность человека, таким образом, отражается в сознании и закрепляется в языке, преобразуясь во внутреннюю отраженную модель мира [1, с. 34] и формируя единую иерархически организованную систему, где более простые метафорические и метонимические концепты служат основанием для образования более сложных концептуальных структур.

В основе вторичности – диспропорция, асимметрия языкового знака, сущность которой заключается в отсутствии изоморфизма между планом выражения и планом содержания, в использовании ограниченного количества слов для обозначения неограниченного количества предметов и явлений, неисчерпаемого концептуального содержания. Именно во вторичных номинациях выявляется главный закон развития языка и мышления, который предусматривает филиацию – развитие языковых явлений в последовательности и преемственной связи, в непосредственной зависимости от предыдущих фактов, накопление знаний и получение на их основе новой информации.

Образование вторичных (как правило, метафорических) ЛСВ носит закономерный характер и отличается высокой продуктивностью и регулярностью, широким использованием практически во всех стилях и жанрах литературного языка. Механизм образования ментальных ЛСВ основывается на семантической двухплановости метафоры, соотношении в ее структуре исходного и вторичного ЛСВ:

а) исходный ЛСВ – исходная понятийная сфера, исходное значение, источник мотивации, понятийная сфера-источником, сфера-донор, область домена источника, буквальная рамка;

б) вторичный ЛСВ – результативная понятийная сфера, результативное значение, новая концептуальная область, ментальная сфера-реципиент, результат метафорической экспансии, область домена цели, метафорический фокус.

Такой механизм образования ментальных номинаций позволяет установить и описать модели, по которым абстрактные ментальные сущности соотносятся с конкретными сферами, а также возможные зоны расширения ментального поля и переходные синкретические зоны. Сами же семантические модели, рассматриваемые как образцы, типовые схемы, представляют собой многоэлементные комплексные структуры, включающие не только рациональные, но и эмоциональные, экспрессивные, оценочные, качественные, количественные и другие ингредиенты.

Такого рода модели составляют одну из основных частей национальной языковой картины, национальной ментальности, в соответствии с которой человек действует, думает, находит аналогии и универсальные взаимосвязи между явлениями и предметами реальности, определенным образом классифицирует окружающую действительность. Характерные признаки сопоставляемых объектов часто согласуются с уже известными типологическими моделями метафорического и метонимического переносов: *огонь души, пожар любви, жар вражды, буря гнева, прилив чувств, глубокий ум, холодный взгляд, тонкий запах, мягкий характер, яркий талант, душевная травма.*

Прилагательные с вторичными значениями ментальности выделяются в единый класс лексических единиц современного белорусского и русского языков благодаря системе значений, концентрирующихся вокруг универсальных семантических признаков 'ум', 'мышление', 'ментальность', а также системной организации внешних и внутренних для данного класса признаков и связей. В зависимости от тематической принадлежности первичных ЛСВ выявляется характер их проецирования на ментальные сферы, устанавливаются те или иные сценарии образования вторичных ЛСВ. Вторичные ментальные прилагательные в соответствии с тематической принадлежностью их первичных ЛСВ сводятся к нескольким разрядам (фреймам, фреймовым единствам): параметрический, формативный, колоративный, люминальный, температурный, консистентный, густаторный, весовой, звуковой, одорический и др.

Параметрические прилагательные реципиентной сферы ментальности обычно сохраняют две мотивирующие семы: 'то, что превышает норму и оценивается положительно', 'то, что проявляется ниже нормы и оценивается отрицательно'. При этом под нормой понимается центральная точка отсчета, которой соответствует признак стереотипа [14, с. 4, 7]. Знаки (+) и (-), безусловно, зависят от экстралингвистических ассоциаций, закрепленных за словом, а также характера сочетаемости с другими словами.

Параметрические прилагательные во многих случаях образуют антонимические пары, которые Н.Д. Арутюнова называет скалярно-антонимическим комплексом, состоящим из «поляризованных значений, относящихся к одному параметру объекта (классу объектов) и разделенных градационной шкалой, в середине которой проходит ось симметрии, соответствующая норме признака» [3, с. 231]. Первичные ЛСВ таких комплексов, как правило, развивают регулярные и предсказуемые антонимические значения, которые, образуя семантические оппозиции, маркируют и уточняют разные концептуальные участки ментального пространства:

- **большой** 'значительный по силе воздействия, степени проявления, интенсивности, глубине' (*большое впечатление, большой успех, большое удовольствие*; бел. *вялікі энтузіязм, вялікія здольнасці*) ↔ **малый** 'незначительный по силе, по степени проявления' (*малый вклад, малые дела*; бел. *малыя справы*);

- **высокий** 'очень хороший по качеству; отличный' (*высокое мастерство, высокая оценка, высокая культура, высокая квалификация*; бел. *высокае майстэрства, высокая культура*) ↔ **низкий** 'неудовлетворительный по качеству; плохой' (*низкая оценка, низкая культура*; бел. *нізкая культура, нізкае майстэрства*);

- **широкий** 'значительный по богатству, разнообразию' (*широкая образованность, специалист широкого профиля, широкая начитанность*; бел. *шырокія інтарэсы, широкая начытанасць*) ↔ **узкий** 'не обладающий большим умом, лишенный широты взглядов, понятий, познаний и т.п.; ограниченный, недалекий' (*узкий кругозор, узкое мирозерцание*; бел. *вузкі кругагляд, вузкі практыцызм, вузкі чалавек*).

- **крупный** 'важный, существенный, серьезный' (*крупные успехи, крупные достижения, крупная неприятность*; бел. *буйное дасягненне, буйны дэфект*) ↔ **мелкий** 'не имеющий большого значения, несущественный, незначительный' (*мелкие неприятности, мелкие уступки*; бел. *дробныя крыўды, дробныя падрабязнасці*).

Полное антонимическое соответствие вторичных ЛСВ у сравниваемых адъективов практически отсутствует. Примерно одинаковой широтой смысловых парадигм характеризуются полисеманты *высокий* – *низкий*, *крупный* – *мелкий*. Более широкие семантические парадигмы у сравниваемых адъективов наблюдаются у полисемантов *большой*, *широкий*, *пустой*. Антонимическая пара *тонкий* – *толстый* практически

нейтрализуется в ментальном пространстве по причине отсутствия вторичных ЛСВ ментального характера у адъектива *толстый*.

Доминантными среди формативных прилагательных, первичные ЛСВ которых указывают на определенную форму предмета, особенности его внешнего вида (извилистость, кривизну, угловатость и др.), являются бинарные пары *прямой, ровный - кривой, косой*. В них четко отражается связь ЛСВ отрасли физической характеристики объектов и сферы человеческих отношений, более конкретной и более абстрактной сфер познания. Переносные ЛСВ полисеманта *прямой* основываются на признаках 'непосредственная связь' (*прямое общение, прямой контакт, прямой долг*; бел. *прамая сувязь прамыя ўказанні, прамыя абавязкі*), 'искренность, правдивость' (*прямой взгляд, прямой человек*; бел. *прамы адказ, прамы позірк*), 'явность, открытость, недвусмысленность' (*прямой вызов, прямая измена*; бел. *прамы выклік, прамы падман*), 'несомненность, безусловность, очевидность' (*прямая польза, прямой расчет, прямая выгода*). Вторичные ЛСВ адъектива *ровный* связаны с характеристикой уравновешенного, сдержанного человека (*ровный характер*; бел. *ураўнаважаны, роўны чалавек*), а также с выражением спокойного, уравновешенного чувства (ощущения) без каких-либо резких эмоциональных потрясений (*любовь стала ровным и тихим чувством*). Прилагательные *кривой, косой* с первичными значениями 'изогнутый, с загибами; расположенный под углом; покосившийся' обнаруживают способность формировать негативно маркированные вторичные ЛСВ, указывающие на ироничность, подозрительность, пренебрежение, что проявляется во взгляде, улыбке (*кривая улыбка, косые взгляды*; бел. *крывая ўсмешка, касы погляд*).

При отнесении к сфере ментальной деятельности адъективы со значением физических качеств и свойств предметов получают новую семантическую наполненность и закрепляются за разными сторонами ментального поля. Наиболее употребительными и регулярно воспроизводимыми в этой группе являются прилагательные *острый* (бел. *востры*) и *тупой* (бел. *тупы*), составляющие антонимическую пару и выражающие противоположные значения: *острый* 'быстро схватывающий, пронизательный, пронзительный' (*острый ум, острый взгляд*; бел. *востры позірк*) ↔ *тупой* 'недостаточно развитый, восприимчивый (об уме, органах чувств)' (*тупой ум, тупые чувства*; бел. *тупы розум*).

Репрезентация ментальных значений у колоративных прилагательных связана не столько с реальными связями между зрительными признаками и носителями этих признаков, сколько с качествами и свойствами, которые приписываются человеку по субъективно или национально обусловленным ассоциациям. Вторичные ЛСВ развились у адъективов *белый, черный, светлый, ясный, яркий, мрачный*, которые в ряде случаев могут рассматриваться как своеобразный семиотический феномен, аккумулирующий многовековой опыт жизни человека и сохраняющий представления народа об этических нормах, поведении и психологическом состоянии человека. Белые цвета и оттенки обычно ассоциируются с

чистотой, светом, радостью, добром, счастьем, черные и мрачные цвета – с негативными сферами жизни человека (злом, коварством, подлостью, отчаянием): *светлый ум, светлая голова, светлая улыбка, светлая дружба, ясная цель, яркие впечатления, мрачный взгляд, темный человек, черная зависть, черные замыслы, черные мысли*; бел. *светлы розум, светлыя думкі, ясны розум, яркі талент, цёмныя думкі, змрочны настрой, змрочныя думкі, змрочныя прадчуванні*). Несмотря на различия в конкретной реализации вторичных ЛСВ колоративов и люминативов, пути развития их ментальных и коннотативных сем в русском и белорусском языках во многом совпадают, поскольку отражают общечеловеческую логику познания окружающей действительности и мышления человека.

Температурный признак, преломляясь через призму сознания человека, служит источником формирования рационально-эмоциональных характеристик человека, его темперамента, действий и поступков. Традиционно адъективы со значением высокой температуры указывают на положительные оценки и эмоции, а со значением низкой температуры – отрицательные коннотации: горячий – это ‘пылкий, страстный, отличающийся глубиной чувств’ (*горячая любовь, горячий поцелуй, горячее желание, горячий спор*; бел. *гарачае жаданне, гарачыя вочы, гарачае сэрца*); холодный – это, как правило, ‘бесчувственный, равнодушный, бесстрастный, хладнокровный’ (*холодный темперамент, холодное сердце, холодный ответ*; бел. *халодныя пачуцці, халоднае развітанне*); ледяной – ‘крайне сдержанный, презрительно-холодный, безразличный’ (*ледяной тон, ледяной приём*; бел. *ледзяны позірк, ледзяны выраз твару*).

Экспансия вторичных ЛСВ консистентных прилагательных распространяется на внешний вид человека, его ментальные и эмоциональные свойства, а также социальные общественные отношения (*твердый характер, твердая уверенность, жесткие слова, жесткий человек, черствый, приём, вялое настроение*; бел. *цвёрдая воля, жорсткі характар, чэрствы позірк*).

Ядро густаторного семантического поля составляют названия четырех главных вкусовых ощущений (кислого, сладкого, горького и соленого). Производные ЛСВ строятся на основе ассоциаций, связанных с такими ощущениями, и указывают на недовольство, неудовлетворенность, унылость или же, наоборот, на счастье, радость, наслаждение: *кислый вид, кислая гримаса, горькие мысли, горькое разочарование, сладкие слезы счастья*; бел. *кіслы настрой, кіслая ўсмешка, горкая дума, салодкія трывогі, салодкія пацалункі*).

Прилагательные со значением веса составляют немногочисленную группу, включающую в свой состав около десятка слов. Ядро этой группы составляют два антонимических адъектива (*тяжелый и легкий*), противопоставленные по следующим признакам: ‘трудный, требующий большого труда для усвоения’ – ‘простой для усвоения, доступный пониманию’ (*тяжелый предмет для изучения, легкая задача*; бел. *цяжкая задача, лёгкі ўрок*), ‘сильный, вызывающий неприятность, подавленность’ – ‘незначительный по силе и степени проявления’ (о голосе, взгляде и др.)’

(тяжелый взгляд, глухой тяжелый голос, легкая улыбка; бел. цяжкія словы, цяжкі позірк, лёгкі прабліск радасці). Антонимические отношения также выявляются у русских прилагательных *легкий* и *тяжелый* в значениях ‘покладистый, уживчивый’ – ‘неуживчивый, неприятный в общении’ (*легкий характер, тяжелый человек*).

Вторичные ЛСВ прилагательного *тихий* (бел. ціхі) актуализируют семы ‘легкость’, ‘слабость (по степени проявления)’, ‘смирность, кротость’ (*тихое чувство, тихий нрав, тихий взгляд, тихое лицо*; бел. ціхі і сумленны чалавек, ціхая радасць). Вторичные ЛСВ адъективов *глухой* (бел. глухі) ориентированы на выражение равнодушия, недовольства, скрытости, слабой интенсивности (*счастливые глухи к добру, глухое волнение, глухое недовольство, глухое раздражение, глухая взаимная неприязнь, глухая вражда*; бел. чалавек, глухі да чужога болю, глухая ўзаемная непрыязнасць).

В номинациях физических свойств и состояний человека ядерными являются прилагательные *здоровый* и *нездоровый*, *больной*, у которых вторичные единичные ЛСВ развиваются в направлении ‘правильный, разумный, рассудительный’ (*здоровое начало, здоровая критика, здоровая мысль*; бел. здаровая крытыка, здаровы розум, здаровая ідэя), ‘неестественный, ненормальный’ (*больное воображение, больная любовь, нездоровое настроение*; бел. хворае ўяўленне, нездаровыя настроі, нездаровая крытыка).

Вторичные ментальные ЛСВ развиваются в номинациях, относящихся к металлам, горным породам, деревьям, а также атмосферным явлениям, огненной стихии: *золотой характер, железная воля, стальные нервы, каменное спокойствие, свинцовая тоска туманный взор, огненный взгляд, огненная речь*; бел. залаты час, жалезная логіка, каменная ўпартасць, свінцовае маўчанне, змрочны думкі, пахмурны настрой, туманныя разважанні, палымянае выступленне.

В выражении категорий ментальности участвуют вторичные ЛСВ субстантивов. Эта группа менее представительная, чем адъективная. Чаще всего метафоризируются наименования зоонимов, артефактов и фитонимов, которые носят ярко пейоративный характер с указанием таких качеств, как ‘глупость’, ‘бестолковость’. Эти качества явно преобладают в группе ментальных номинаций, что подтверждает известный тезис об асимметрии языковой оценки и более детальной и дифференцированной репрезентации негативных оценок и эмоций, чем позитивных, которые чаще всего воспринимаются как норма и не нуждаются в детализации.

Наиболее ярко ментальные качества проявляются во вторичных номинациях, образованных от исходных ЛСВ наименований животных, так называемых зооморфизмах. Вторичная семантика зооморфизмов чаще всего развивается по прототипическим сценариям, отражающим специфику мировосприятия носителей языков, их уклад жизни, духовно-культурный практический опыт. Животные, вовлеченные в мир человеческих ассоциаций и отождествлений, выступают в качестве символов, эталонных носителей тех или иных качеств, которые в соответствии с принятой в данном социуме оценочной шкалой

приписывались человеку по определенным характеристикам поведения, по умственным способностям, внешнему виду, телосложению и др. В соответствии с этими сценариями *осел*, например, наделяется глупостью, тупостью, упрямством, свинья - непристойностью, лиса - хитростью, лестью и т.д. Ассоциации-сравнения человека с животными относятся к числу самых частотных, справедливо отмечает Л.Б.Никитина, демонстрируя результаты анкетирования и иллюстрации типа *глупый, как осел (индюк, медведь, волк, ворона, курица, обезьяна, овца); необразованный, темный как козел (курица, бегемот, слон) ...* [9, с. 118-119]. Причем, такие образцы-эталоны при, казалось бы, их эквивалентности, часто оказываются дивергентными и обнаруживают специфику культурно-этического и социально-исторического развития тех или иных сообществ [13, с. 109]. К примеру, слон в индийском языковом сознании имеет коннотацию изящества, грациозности движений, волк у некоторых народов Кавказа символизирует отвагу и бесстрашие, черепаха в китайском языке - символ неверности, свинья для народов Индокитая - символ благополучия, верблюды в арабских языках - стереотипный образ трудоспособного, терпеливого человека, со словом дрозд у французов ассоциируется неприятный, пронырливый человек, слово жук у носителей немецкого языка и культуры воспринимается как квазиэталон красоты [13, с. 109].

В структуре зооморфизмов русского и белорусского языков признак ограниченной ментальности, глупости, умственной отсталости часто сочетается с другими пейоративными характеристиками типа 'упрямство', 'высокомерие', 'ротозейство'. Ср.: рус. *баран, осел, ишак* 'глупый, тупой, упрямый человек', бел. *баран, асёл, ішак* 'тупы, някемлівы, упарты чалавек', рус. *тетерев, тетеря* 'глупый или незадачливый человек', бел. *цяцера* 'някемлівы, няспрытны чалавек, разява'.

Широкую сеть вторичных номинаций традиционно представляют названия артефактов. Вторичные пейоративные ЛСВ отмечаются у соотносительных пар русского и белорусского языков *чурбан – цурбан, болван – балван, балда – доўбня*, которые находятся в отношениях смыслового совпадения: рус. *чурбан* 'обрубок дерева, бревна; о бестолковом, глупом человеке', бел. *цурбан* 'кароткае бервяно, абрубак дрэва; пра някемлівага, неразумнага чалавека'; рус. *болван* 'грубо отесанный обрубок дерева, чурбан; о бестолковом, глупом человеке', бел. *балван* 'вылепленая або высечаная з якога-небудзь матэрыялу фігура чалавека; дурань'; *балда* 'тяжелый молот; бестолковый, глупый человек', бел. *доўбня, даўбня* 'вялікая палка з патаўшчэннем на канцы; пра няцямкага, дурнога чалавека'.

Глупость человека в ряде случаев связывают с неспособностью хорошо говорить, косноязычием, болтовней, ненужным многословием, что нашло отражение в структуре полисемантов рус. *балаболка* 'украшение; подвеска, висюлька; болтун; пустой человек', бел. *балаболка* 'бразготка, якую чапляюць жывёле на шыю; пра таго, хто хутка, многа і абы што гаворыць'.

Тождественное смысловое развитие с репрезентацией таких качеств, как изменчивость, непостоянство, резкая смена взглядов, отсутствие собственных убеждений, наблюдается у русских полисемантов *флюгер*, *вертушка*, *марионетка* и их белорусских эквивалентов *флюгер*, *круцёлка*, *марыянетка*: рус. *флюгер* ‘пластинка, стрела, флажок, вращающиеся на мачте или шесте; человек, часто меняющий свои взгляды, убеждения’, бел. *флюгер* ‘рухомае прыстасаванне, якое паказвае кірунак ветру; пра непастаяннага чалавека, які хутка мяняе свае погляды і перакананні’; рус. *вертушка* ‘разного рода вращающиеся предметы и инструменты; легкомысленный, непостоянный, ветреный человек (преимущественно о женщине)’, бел. *круцёлка* ‘прадмет ці прыстасаванне, якія круцяцца; легкадумны, ветраны чалавек (пераважна пра жанчыну)’.

Для номинации глупого человека используется «обувная» метафора: рус. *лапоть*; ‘о невежественном, отсталом человеке’, бел. *лапаць* ‘пра адсталага некультурнага чалавека’; рус. *сапог* ‘о сером, некультурном человеке, о человеке невежественном, ничего не понимающем в чем-либо’ (в бел. *бот* вторичные ЛСВ не отмечаются).

В качестве истоков вторичных анимистических ЛСВ могут выступать фитонимические номинации. Классическим примером этого служит субстантив *дуб*, являющийся в языковой картине не только символом крепости, мощи, но и тупости, глупости. Ср.: рус *дуб* ‘крупное листовое дерево; о нечутком, тупом человеке’, бел. *дуб* ‘лісцевае дрэва; высокі, моцны чалавек; тупы, неразумны чалавек’. Как видно из примеров, в белорусском языке употребляются энантиосемические ЛСВ, акцентирующие внимание в одном случае на высокий рост и силу, мощь человека, во втором случае – на умственную ограниченность человека.

Отдельные названия пищи используются для характеристики слабовольного, нерешительного человека: рус. *кисель* ‘студенистое кушанье, сваренное из ягодного или фруктового сока или молока; вялый, слабавольный человек’, бел. *кісель* ‘кіслая студзяністая страва; вялы, слабовольны чалавек’; рус. *размазня* ‘жидкая каша; вялый, нерешительный человек’, бел. *размазня* ‘рэдка каша; нерашучы, слабовольны чалавек’.

Таким образом, вторичные номинации занимают важное место в системе частей речи. В ряде случаев они (в отличие от первичных ЛСВ) более тонко и точно отражают различные нюансы каких-либо качеств, свойств и ощущений, актуализируют признаки, являющиеся наиболее важными в тех или иных коммуникативных актах, выражают эмоциональные оценки, возникшие под влиянием каких-либо свойств и ощущений. В ментальное пространство вторичных адъективных и субстантивных номинаций включаются переносные ЛСВ различных тематических групп, употребляющихся для выражения интеллектуальных навыков, глубинного уровня сознания, духовных установок, присущих отдельному человеку или общественной группе.

Типология вторичных ментальных номинаций в русском и белорусском языках выявляется на уровне общности семантических моделей

и формул, их стереотипности, тождественности круга первичных ЛСВ, вовлеченных в процесс метафоризации и метонимизации, количественного состава вторичных ЛСВ в смысловых структурах слов и др. Несмотря на незначительные различия в конкретной реализации вторичных ЛСВ в русском и белорусском языках, пути развития различных сфер ментальности во многом совпадают, поскольку они отражают общечеловеческую логику познания окружающей действительности, обусловленную наличием общей физиологической и психологической основы восприятия у всех людей объективной действительности, общностью культурных и религиозных представлений носителей русского и белорусского языков. Наиболее частотные и распространенные семантические модели, репрезентирующие ментальную сферу, выявляются в пространственных, тактильных и перцептивных структурах, которые демонстрируют довольно широкий диапазон семантического варьирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиференко, Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н.Ф.Алиференко. – М.: Academia, 2002. – 280 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 175 с.
3. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт / Н.Д. Арутюнова ; отв. ред. Г.В. Степанов. – М.: Наука, 1988. – 338 с.
4. Гуревич, А.Я. Ментальность / А.Я.Гуревич // Опыт словаря нового мышления. – М.: Прогресс- Пайо, 1989. – 436 с.
5. Дебердеева, Е.Е. Концептуальная метафора как средство раскрытия механизмов понимания в русской и английской лингвокультурах / Е.Е. Дебердеева // Разноуровневые черты языковых и речевых явлений: межвузовский сборник научных трудов. – Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2010. – Вып. XX – С. 36-40.
6. Демьянков, В.З. Ментальный язык / В.З.Демьянков // Краткий словарь когнитивных терминов. – Москва: МГУ, 1996. – С. 99-101.
7. Колесов, В.В. Русская ментальность в языке и тексте / В.В. Колесов. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. – 624 с.
8. Лихачев, Д. «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово!.. / Д.Лихачев // Классики и современники о русском языке. Антология /Сост. Г.Н.Красников. – М.: Вече, 2013. – 960 с.
9. Никитина, Л.Б. Категориальные семантические черты образа homo sapiens в русской языковой картине мира / Л.Б. Никитина. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2004. –148 с.
- 10.Омельченко, С.Р. Типология ментальности в лингвистике / С.Р.Омельченко // Русский язык: исторические судьбы и современность. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 265–266.
- 11.Пименова, М.В. Семантика языковой ментальности и импликации / М.В. Пименова // Филологические науки. – 1999. – № 4. – С. 80-86.

12.Российская ментальность // Вопросы философии. –1994. –№1. – С. 54-67.

13.Старычонак, В. Д. Метафара ў беларускай мове: на матэрыяле субстантываў / В.Д. Старычонак. — Мінск: БДПУ, 2007.–190 с.

14. Шнякина, Н.Ю. Перцептивные концепты в немецкой языковой картине мира и их метафорический потенциал : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н.Ю. Шнякина ; Омский гос. тех. ун-т. – Омск, 2005. – 21 с.